

Копалов Александр Алексеевич,
студент Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: **Ратьковский Илья Сергеевич,**
доцент кафедры новейшей истории России
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент

Влияние политических репрессий 1930-х гг. на формирование легистского правопонимания в СССР

Трансформация советского правопонимания была обусловлена изменениями политической системы. Пришедший к власти И.В. Сталин боролся с малейшими отходами от «генеральной линии партии», т. е. — от собственной линии. Проводимая им политика диктовала необходимость расширения государственных полномочий в правоохранительной практике. Для оправдания указанных мер на докладе 7 января 1933 г. «Итог первой пятилетки» был выдвинут тезис об отмирании государства через его максимальное усиление, необходимое для окончательного поражения бывших эксплуататоров и построения бесклассового общества. [9]. Для реализации этой концепции требовалась реформация законодательства.

Так, выдающийся правовед Е. Б. Пашуканис, один из разработчиков советской правовой системы, был вынужден изменить свою концепцию о возможности формирования «пролетарского права», подстраиваясь под политическую конъюнктуру. Ранее Пашуканис выступал против подобной теории, поскольку в его представлении рабочий класс не может создать своей правовой системы, так как существование государства будет накладывать отпечаток пережитков буржуазной эпохи на право, которое должно будет отмереть вместе с государством.

Однако постепенно его позиция стала отходить от приверженности ортодоксальной версии буржуазного «равного права» при первой фазе коммунизма к раннему советскому правовому позитивизму. В условиях победы социализма государство должно было сохраниться в форме диктатуры пролетариата вплоть до финальной стадии коммунизма, соответственно право должно так же существовать в форме принудительных требований и законов власти рабочего класса. В духе советского

легизма социалистическое право трактовалось как система норм права. [6]. Говоря об усилении государственной власти, под государством подразумевался в первую очередь аппарат принуждения. Более того, Пашуканис спорно утверждал, что «деятельность самого государственного аппарата есть в то же время и общественная деятельность». [7].

Сам Пашуканис, ранее критиковавший такой подход, охарактеризованный как «буржуазный нормативизм», теперь говорил о «необходимости нормы права и аппарата принуждения, без которых право ничто». [8]. Так, его теоретическое обоснование социалистической правовой системы заложили предпосылки для этатистской, нормативной, а вернее — узконормативной, трактовки права, выраженной А.Я. Вышинским в более поздние годы. Западная правовая система воспринималась официальной пропагандой как абсолютно прогнившая и несамостоятельная марионетка в руках буржуазии. Принцип независимости и несменяемости судей также был повергнут критике. В советском идеологическом оформлении судебная власть представлялась как проводник государственной политики в борьбе с представителями эксплуататорских классов и «врагами народа». Суд должен был безжалостен к врагам пролетариата, открыто использовать революционные репрессии. Все судьи были обязаны проводить марксистско-ленинско-сталинскую идею не только в ходе судебных процессов, но и активно заниматься искоренением капиталистических пережитков в умах рядовых граждан. [10]. Конституция 1936 г. передала избрание судей в руки советов депутатов, а народных судей непосредственно населению путем прямого, тайного и равного голосования. Это решение обуславливалось тем, что избранные судьи будут полностью подотчетны перед избравшим их обществом. Однако закон о народных представителях, обязанных контролировать законность судебного процесса, был принят только в 1948 г., поскольку такой демократизм не мог совмещаться с политической тоталитарной системой, и правительство не было заинтересовано в осуществлении этой реформы. [3].

Особое внимание стоит уделить Конституции 1936 г., вошедшей в историю как «сталинская». Принятая на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде она позиционировалась пропагандой как самая демократичная в мире, поскольку в ней прописывался ряд основополагающих прав человека. Однако стоит понимать, что прописанные права были часто

формальностью, лишь декламируя права человека, а по факту прикрывая происходившие в стране репрессии. Давая характеристику «Конституции победившего социализма», можно привести слова выдающего отечественного конституционалиста С.С. Алексеева: «Советские конституции это не просто неадекватно использованные политико-тенденционные феномены. Они плоть от плоти продукты и элементы советской коммунистической системы, представляющие особый класс явлений — полярных антиподов государственно-правовых институтов современного демократического общества». [1].

В своей сути Конституция 1936 г. легитимизировала репрессивную политику государства, обеспечивая её правовой основой. Анализируя репрессивную практику второй половины тридцатых гг. и принятие Конституции в 1936 г., можно сделать вывод об утвердившемся в правовой системе страны «репрессивном конституционализме». Провозглашаемая классовая борьба и закреплённая диктатура пролетариата естественно подразумевала под собой уничтожение всех контрреволюционных элементов, подрывавших общественный и государственный строй. Конституция фактически сделала карательную функцию права основополагающей, при этом кара имела превентивный характер. Шла борьба не просто с антигосударственной деятельностью, но с любыми проявлениями инакомыслия, не относящимся к перечню состава преступления. Главной функцией нового конституционализма было наказание, в то время как праву должна быть присуща созидательная роль. Статья 133 Конституции провозглашала измену родине, подрыв военной мощи государства, шпионаж и т.д. наиболее тяжкими злодеяниями, карающимися по всей строгости закона. Очевидно, что формулировка «по всей строгости закона» могла означать высшую меру наказания — смертную казнь, что является одним из наиболее ярких показателей карательной функции права в советском конституционализме. Для сравнения: Конституция 1993 г. отмечает лишь допустимость смертной казни, а не её закрепление за определенные преступления, и, что наиболее важно, не содержит под собой карательной функции, поскольку «смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом». Сталинский же конституционализм включил высшую меру наказания как неотъемлемую часть правовой системы для борьбы с потенциальными «врагами народа». При этом понятие такого

термина было максимально широким, выраженным во 2 части 131 ст. Конституции 1936 г.: «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Для понимания термина «социалистическая собственность» целесообразно процитировать 1 часть 131 ст.: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского общества, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». Таким образом, под покушением на общественную собственность можно было подвести практически любой отход от предписываемых государством норм, в том числе и инакомыслие, тем самым поставив человека в разряд «врага народа».

Таким образом, «сталинская Конституция» указывала юридической науке, что главным предназначением конституции и конституционализма не всегда являются закрепление правового государства и принципа разделения властей, естественности и неотчуждаемости прав человека и гражданина, парламентаризма, верховенства закона, идеологического плюрализма и социальной справедливости. Сталинизм, подобным образом трактуя суть конституционализма и права, опустил их до уровня инструмента репрессивной политики в руках ничем не ограниченного государства. [3].

Уже много было указано о правовом обосновании террора тридцатых годов, но стоит более детально рассмотреть структуру органов, реализовывавших его. Ещё в 1934 г. в ходе создания НКВД при наркомате внутренних дел появилось Особое совещание (ОСО), имевшее весьма широкий спектр полномочий, в том числе и внесудебный приговор, а к 1937 г. допустимой мерой наказания, к которой могло приговорить совещание, стала смертная казнь. В середине 1930-х гг. были приняты законы, касающиеся красноармейцев и командующего состава, например, дополнения к Закону об измене Родине, принятые Постановлением Совнаркома от 8 июня 1934 года, и приказ НКВД «О порядке оформления привлечения к ответственности родственников изменников Родины». Они лишали семьи сбежавших красноармейцев гражданских прав, распространяли наказание за побег на родственников, закладывая фундамент будущего террора. [4]. Но в условиях нараставших политических репрессий этого было недостаточно. Так, в 1935 г. для отправления «правосудия» на местах появились

печально известные «тройки», состоявшие из первого секретаря областного комитета партии, начальника областного управления НКВД и областного прокурора. В ходе дальнейшего ускорения и упрощения процесса из этого состава стали удалять представителя партии, оставляя «двойки». Внесудебные расправы стали абсолютной нормой для общества 1930 — 40 — х гг. При этом откровенный террор обосновывался защитой Конституции и государственного строя. В творившемся беззаконии немалая доля вины есть лежит на юридических кадрах. Политика правительства требовала идеологически преданных юристов, безропотно выполняющих указания сверху.

Состояние советского правопонимания во многом изменило Соевещание по вопросам науки советского государства и права, проведенное 16-19 июля 1938 г. по инициативе А.Я. Вышинского, совмещавшего в это время должности Генерального прокурора СССР и директора Института права АН СССР. Для придания статуса всесоюзного в Соевещании участвовало 600 делегатов со всех концов страны. До этого у власти был богатый опыт проведения мероприятий подобного толка, в первую очередь — Московские процессы бывших партийных руководителей, которые, однако, имели под собой глубинный смысл. Данные процессы ярко, но убедительно осуждали измену, предательство страны, сотрудничество с иностранными разведками. Эти спектакли готовили советское общество и его сознание к отражению нападения фашистских государств. [12]. Новая реальность откровенного террора затронула все сферы жизни общества, поэтому юридическая наука и правовая системы были первыми обречены на чистку. Отныне любые дискуссии и свободные мысли даже в рамках марксистско-ленинской идеологии были недопустимы. Главной целью Соевещания было утверждение «генеральной», большевистско — сталинской линии на правовом фронте, поставленном на службу революционной законности. До этого в периодической печати шла активная кампания, направленная против Пашуканиса и его сторонников, поскольку отстаиваемая ими концепция социалистического права не могла в полной мере удовлетворить запрос власти на законность проведения беспрецедентных в своем масштабе репрессий. Одним из главных проводников этой критики был П.Ф. Юдин. Пытаясь уличить Пашуканиса и его сторонников в отходе от марксизма, контрреволюционности их концепций о праве, он откровенно

приписывал их же тезисы об отсутствии буржуазности в социалистической системе права. Обесценивая весь колоссальный труд и опыт раннесоветских правоведов, Юдин делал уничтожающий вывод: «Как ни печально, но приходится сказать, что почти всю специальную правовую литературу надо создавать заново. Слишком глубоко укоренились в этой литературе враждебные и вообще антинаучные, антимарксистские теории, слишком она примитивна и скудна для того, чтобы претендовать на учебную и научную литературу». [13].

Сложившуюся ситуацию на советском правовом фронте охарактеризовало данное на Совещании 1938 г. А.Я. Вышинским определение права: «Право — есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, но и обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке». [11]. В соответствии с указаниями Сталина о задачах правовой науки Совещание осуществило разгром врагов на правовом фронте, установив абсолютную монополию марксистско-ленинского учения о государстве и праве. Так, в Советском Союзе образовалась этатистская форма правового позитивизма, поскольку отныне право стало непосредственно отождествляться с законом. Так, права гражданина не могли восприниматься как естественные и неотчуждаемые, а являлись по сути своей октроированными, то есть дарованными непосредственно властью. Отныне не человек отдавал часть своих прав и свобод, а государство жертвовало частью собственных привилегий и полномочий. Соответственно, гарантированность и соблюдение прав гражданина зависело исключительно от воли государства. [2].

Для окончательного установления легитимности и логичности с точки зрения идеологии марксизма нового, по сути своей неправового, определения «социалистического права», Вышинский обратился к классово-волевому подходу. Поскольку право в представлении Маркса и Энгельса — это выражение воли господствующего класса, и в советской реальности, декламировавшей диктатуру пролетариата, которая в своей сути являлась господством одной партии, такая трактовка давала возможность для неограниченного правотворчества, доходящего зачастую до откровенного произвола. [5]. Ещё Ганс Кельзен, один из создателей этатистского правового позитивизма, признавался, что в мире не существует такой идеологии и мировоззрение, которые было бы невозможно

включить в нормативно-правовую систему. Однако нормативизм Вышинского совершенно не похож на концепции Дюги или Кельзена. Для него "правовые нормы" — любые субъективные и произвольные творения политической власти, ее приказы и установления, относящиеся к социалистическому праву, противопоставленному праву буржуазному. [6]. Подводя итоги, можно сказать, что установление диктатуры Сталина и последовавшие за ней массовые репрессии, нуждавшиеся в юридическом обосновании, привели к существенной трансформации советской системы права, её переходу от остатков «буржуазного равного права» к узконормативной, легистской версии. Однако стоит отметить, что сталинский «репрессивный конституционализм» был явлением исключительно тоталитарной эпохи 1930 — 40 — х гг. двадцатого столетия и после смерти вождя народов начал постепенно отмирать, уступая место более либеральному, гуманному и развитому законодательству. Тем не менее, удар по юридической науке был крайне велик и ощущается сейчас. Помимо уничтожения плеяды блестящих отечественных специалистов, в российском правопонимании прочно укрепились позитивистский и неопозитивистский подходы. Конституционная реформа 90-х гг. провозгласила естественность и неотчуждаемость прав человека и гражданина, их высшее значение. Однако в силу отсутствия полноценного гражданско-политического развития общества и заимствования концепции естественного права у западных стран, отечественные теоретики в права в большинстве своем восприняли новые концепции поверхностно и формально, продолжая в большинстве своем защищать правовой позитивизм. Нам необходимо осмыслить опыт советской эпохи, чтоб преодолеть господствующий правовой нигилизм общества и не допустить повторения страшных ошибок прошлого, поднять правовую культуру на качественно новый уровень.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. У истоков Конституции России (субъективные заметки) // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 3 (30). — С. 56 — 84.
2. Варламова Н.В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. — 2008. — N 1. — С. 156-166.

3. Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Конституция СССР 1936 года: модель «Репрессивного конституционализма» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-sssr-1936-goda-model-repressivnogo-konstitutsionalizma> (дата обращения: 23.10.2022).

4. Малюченко Д.А. Изменение нормативно-правовой базы в середине 1930-х гг. как часть репрессивного механизма в Красной армии. Политическая история России: прошлое и современность. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42879429> (дата обращения: 27.10.2022).

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.; т. 20. С. 292.

6. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов [Текст] // Норма. 2019. — С. 80 — 103.

7. Пашуканис Е. Государство и право при социализме // Советское государство, 1936, № 3. С. 4.

8. Пашуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права, 1930, № 11 —12.

9. Сталин И.В. Сочинения. Том 13. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. // Государственное издательство политической литературы. М., 1951. — С. 211.

10. Суд и прокуратура в проекте новой Конституции // Социалистическая законность. — 1936. — №10. — С. 1 — 8.

11. Тезисы доклада т. А.Я. Вышинского. М., 1938.

12. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 — 1954): государственный деятель и правовед Часть 14. Процесс Бухарина (2—13 марта 1938 г.). Итоги московских открытых процессов 1936–1938 годов Опубликовано: Журнал «Законодательство». 2021. № 12. С. 76 — 83. 2022. № 1. С. 87 — 94. № 2. С. 87 — 94.

13. Юдин П. О государстве при социализме // Большевик, 1936, № 8; Против путаницы, пошлости и ревизионизма // Правда. 1937 20 января; Социализм и право // Большевик, 1937, № 17.

© Копалов А. А., 2022